

ЭВТАНАЗИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВА

Аннотация. В соответствии с уголовным правом эвтаназия может квалифицироваться как два разных случая: как убийство — когда речь идет о действии, состоящем в прямом причинении смерти другому человеку, или как содействие другому лицу в самоубийстве. Эти два варианта квалификации применимы при условии, что исполнитель — лицо, совершившее акт причинения смерти, не является тем лицом, которому была причинена смерть. А самоэвтаназия — это, по сути, не более чем суицид.

Однако, кроме эвтаназии, совершаемой помимо воли третьего лица (как в случае с Кристин Малевр, медсестрой из Мант-ля-Жоли, осужденной в 2003 г.), существуют случаи запроса на эвтаназию с представленной под ними подписью, которые представляют сложность с юридической точки зрения. Чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо прежде всего уточнить позицию современного уголовного права в отношении суицида (самоубийства).

С точки зрения депенализации/декриминализации суицида, де факто лицо, совершившее деяние (независимо от результата его действий), которое само же и является пострадавшим, не может являться объектом судебного преследования и в конечном итоге не может быть осуждено. Однако отсутствие судебного преследования и осуждения никоим образом не означает, что это деяние — суицид — оправдывается/одобряется законом. С другой стороны, если считать самоубийство правом, то необходимо будет согласиться с тем, что любой желающий совершить это деяние может обратиться за содействием в осуществлении его смерти. В свете этих двух противоположных подходов перед нами встает вопрос о наличии (или отсутствии) права на смерть.

В то же время эвтаназия, совершаемая помимо воли (навязываемая), однозначно подпадает под действие обычного уголовного права, эвтаназия, совершаемая по запросу, не имеет правовой основы. На сегодняшний день никакое право (никакой закон) не позволяет одобрить/удовлетворить просьбу о смерти, но при этом позволяет уважать такую просьбу и в определенной мере предписывает достойное к ней отношение. В настоящей работе будут рассматриваться два аспекта: возможность трактовать эвтаназию как убийство в соответствии с общим правом (I) и позиция французского законодательства в отношении права на смерть (II).

Ключевые слова: эвтаназия, ассистированный суицид, содействие в ассистированном суициде, конец жизни, паллиативная помощь и терапия.

Ахмед ХАДДАДИ,

научный сотрудник
Научно-исследовательского
центра по судебным
разбирательствам
Университета Тулон
(Франция)

a.haddadi@

averroes-emj.com

83560, Франция, г. Тулон,
ул. Альфонса Доде,
кампус факультета права
Университета Тулон

Флоран РАВАЗ,

научный сотрудник
Лаборатории
общественного
здравоохранения,
эпидемиологии и качества
обслуживания
Университета Лилль-2
(Франция)

a.haddadi@

averroes-emj.com

59045, Франция, г. Лиль,
пл. Верден, д. 1,
Медицинский факультет
Университета Лилля

A. HADDADI,

Research Associate

Research Center for Litigation

University of Toulon,

a.haddadi@averroes-emj.com

35, Alphonse Daudet Street, Toulon, France, 83560

F. RAVAZ,

Research Associate

Laboratory for Public Health,

Epidemiology, and Service Quality

a.haddadi@averroes-emj.com

Lille 2 University, France 1, Square Verdun, Lille, France, 59045

EUTHANASIA UNDER FRENCH LAW

Abstract. *Under criminal law, euthanasia can have two distinct qualifications: that of homicide in the event that the act of directly killing another person is characterized, or that of assisting a third party in the suicide. These two qualifications are applicable on the condition that the agent — the author of the act of causing death — is not the one who went through it. In fact, self-euthanasia is nothing more than suicide.*

In addition to euthanasia imposed to a third party (such as in the case of Malèvre, nurse from Mantes-la-Jolie, tried in 2003), the euthanasia requested and subscribed constitutes a complex legal question. Answering this question first involves specifying the position of contemporary criminal law in the face of suicide.

In the event that suicide is only decriminalized, in fact, the author of the act — regardless of the outcome of his actions, who is himself the victim, cannot be prosecuted. Nor ultimately receive any condemnation.

However, this lack of prosecution and conviction is by no means an endorsement of the act — suicide — by the law.

Moreover, in the event that suicide is a right, it would then be necessary to agree that any candidate for this act can request assistance in the accomplishment of his death. Given these two opposing approaches, imposed on us the question of whether there is a right to die.

Although the euthanasia imposed is unequivocally under ordinary criminal law, the euthanasia requested and granted is not based on any rights. To date, there is no right to approve a death request, but on the other hand, it does allow it to be respected and to some extent promotes its approach with dignity. This work will focus on two central points which are the possibility that euthanasia is a homicide under common law (I) and the attitude of French law concerning the right to death (II).

Keywords: *euthanasia, assisted suicide, assisted suicide, end of life, palliative care and therapy.*

Согласно положениям статьи 221-1 Уголовного кодекса Франции¹, «убийство — это умышленное причинение смерти другому лицу». За это предусмотрено уголовное наказание в виде 30 лет лишения свободы.

В случае, если убийствоотягается следующими элементами: «предшествует другому преступлению, сопровождает его или следует за ним, и/или имеет целью подготовку правонарушения или содействие его совершению, и/или имеет целью содействие бегству или обеспечение безнаказанности правонарушителя или соучастника правонарушения», статья 221-2 Уголовного кодекса² предусматривает наказание в виде пожизненного уголовного заключения. Более того, как только устанавливается факт подготовки или планирования лишения жизни, он сразу квалифицируется как (предумышленное) убийство (ст. 221-3)³. Наказанием за это является пожизненное заключение.

Фактически с точки зрения французского законодательства активная эвтаназия непременно подпадает под одну из этих двух квалификаций.

Независимо от возможных квалификаций, убийство имеет двоякую структуру, которая включает материальный элемент и элемент намерения. Материальный элемент представляет собой внешний факт, объективно устанавливаемое поведение, которое привело или могло привести к смерти. Хотя продолжаются дебаты на фоне доктринальных разногласий относительно того, следует ли приравнивать невмешательство и/или бездействие к фактическому действию, убийство может быть вызвано только фактическим действием — таким как внутривенная инъекция избыточной дозы сульфата калия или смертельный коктейль из нескольких лекарственных средств. Именно это квалифицирует действие как совершенное правонарушение и позволяет отличить его от списка нарушений, повлекших за собой смерть других лиц, но в результате невмешательства. Преобладающим здесь является оставление без помощи лица, находящегося в опасном состоянии.

Элемент намерения (*animus nocendi*) указывает на виновный умысел. При этом трудно дать четкое определение понятию виновного умысла, что остается одной из серьезных проблем для законодателей. По сути, здесь действует базовый принцип преднамеренности преступлений и правонарушений в соответствии со статьей 121-3 Уголовного кодекса Франции⁴, которая гласит: «Преступление или уголовное правонарушение не имеют места в случае отсутствия умысла на их совершение».

Однако существуют определенные исключения, позволяющие опровергнуть такое намерение. Среди них: ситуация (крайней) необходимости; действия в порядке закона в силу законного предписания (статья 122-4 Уголовного кодекса) или самообороны (статья 122-5 Уголовного кодекса). Иными словами, умышленное виновное деяние выражается в осознании совершающим его лицом факта

¹ The Criminal Code. Art. 221-1, reinforced by Law No. 92-684 of 22 July 1992 'Amendments to the Criminal Code on the punishment of crimes and offences against the person.'

² The Criminal Code. Art. 221-2, as amended by Law No. 2009-526 of 12 May 2009. Art. 124.

³ The Criminal Law. Art. 221-3, as amended by Law No. 2011-525 of 17 May 2011. Art. 149.

⁴ The Criminal Law. Art. 121-3, as amended by Law No. 2000-647 of 10 July 2000. Art. 1 // JORF. 11 July 2000.

совершения действия, которое, как ему известно, полностью противоречит уголовному законодательству. Таким образом, оно представляет собой составной элемент правонарушения, и, соответственно, требует доказательства в соответствии с уголовным правом.

Однако доказательство наличия преступного умысла остается рискованным предприятием с откровенно неопределенным результатом. А в случае совершения акта эвтаназии при отсутствии признания стороне обвинения особенно непросто, хотя и очень важно, это доказать. По сути, при таких обстоятельствах отсутствует необходимость доказательства того, что врач ввел смертельный препарат (материальный элемент). Однако сторона обвинения будет обязана доказать наличие реального преступного умысла (элемент намерения). То есть, получается, что из известного факта необходимо вывести существование неизвестного факта. Но если это всего лишь простые предположения, лицо, совершившее деяние, может легко их опровергнуть.

Следует отметить, что преступный умысел отличается от мотивов. Последние указывают на причину деяния, и не приравниваются к преступному умыслу, который не умаляется в случае согласия потерпевшей стороны. Именно этим объясняется беспрецедентный интерес со стороны суда присяжных. Присяжные, которые особенно внимательно относятся к мотивам, в ходе дебатов оспаривают или подтверждают критерии квалификации деяния, определенные судьей и следственной палатой.

При этом, если преступный умысел является составным элементом правонарушения, преднамеренность являетсяотягчающим обстоятельством. Статья 132-72 Уголовного кодекса и статья 221-3 Уголовного кодекса определяют ее как «план, сформировавшийся до действий по совершению определенного преступления или правонарушения». Она отличается от умысла и является дополнительным элементом, который придает умыслу особое содержание, воплощая идею обдумывания и вынашивания плана. Акт эвтаназии полностью отвечает данному критерию, поскольку просьба и согласие запрашивающего пациента ни в коей мере не умаляют акта как такового.

Статья 221-4 Уголовного кодекса предусматривает отягчающие обстоятельства, в частности убийство несовершеннолетнего лица, не достигшего 15-летнего возраста, законного или естественного родственника по восходящей линии либо приемных отца или матери, а также «лица, особая уязвимость которого, в силу его возраста, болезни, увечья, физического или психического недостатка либо состояния беременности, очевидна или известна исполнителю», что относится к лицам, которые являются возможными кандидатами на акт эвтаназии.

Уголовное наказание за убийство применяется не только к его непосредственному исполнителю, но также к соучастнику и сообщнику. Таким образом, в случае активной эвтаназии любой член обслуживающего персонала (медицинский работник), который предоставил пациенту смертельный продукт, повлекший смерть пациента, может быть привлечен за это к ответственности, причем невзирая на характер субординации, коль скоро такой член обслуживающего персонала (медицинский работник) не был неосведомлен о последствиях применения указанного продукта, и, следовательно, о незаконности совершаемого деяния.

Положения статьи 5 Декларации прав человека и гражданина гласят: «Все, что не запрещено законом, то дозволено»⁵. Подтверждают ли они де-факто право на смерть? Делает ли действительным право на смерть амбициозный посыл этих положений, декларирующих принцип «все, что не запрещено — разрешено»?

В данном отношении можно сказать, что даже если некоторые были бы склонны — от противного — прийти к выводу о реальности такого права, простого контрпримера оказалось бы достаточно для того, чтобы опровергнуть этот тезис. Фактически, с точки зрения французского права, проституция не является в абсолютном смысле наказуемой. Да, сутенерство, открытая реклама и зазывание клиентов в общественных местах запрещены. С другой стороны, платный половой акт между совершеннолетними лицами по обоюдному согласию не воспрещается. Однако это не означает существования «права на проституцию». Отсутствие уголовного наказания за определенное действие не приводит к возникновению права на такое действие⁶.

Помимо этого, важно особо подчеркнуть, что депенализация/декриминализация никоим образом не подразумевают возникновение права⁷. Исходя из этого, очевидно, что, когда речь идет о суициде, закон, конечно, молчит, но его молчание определенно объясняется уважением и состраданием, и из этого не следует делать вывод, что закон его каким-либо образом признает.

Закон от 31.12.1987, квалифицирующий «подстрекательство к суициду» как преступление (положение, сохраненное в действующем Уголовном кодексе, статьи 223-23-15), подтверждает данное обстоятельство. Соответственно, если наказывается даже подстрекательство, то из этого следует, что закон отнюдь не безразличен к суициду⁸. Страховой кодекс предусматривает, что договор страхования жизни становится недействительным, если выгодоприобретатель [страхователь(?)] расстается с жизнью в течение года после его подписания (в случае коллективного страхования этот период продлевается еще на один год). Соответственно, если бы право на смерть действительно являлось неоспоримым и несомненным фактом, все эти положения оказались бы недействительными, поскольку не имели бы под собой оснований. И было бы нецелесообразно создавать целую программу общественного здравоохранения, направленную на борьбу против самоубийств и на их предотвращение (специально принятую).

В действительности, в отношении драмы и ужаса суицида закон скромно придерживается нейтралитета, который бывает не вполне понятен. Такой нейтралитет приводит к возникновению права, поскольку объективно подобная логика будет ничтожна. Фактически право подразумевает наличие отношений обязательства между лицом, которое имеет законные (правовые) основания требовать правосудия (добиваться справедливости) в порядке осуществления права, с одной стороны, и третьим лицом, которое несет перед ним обязательства, с

⁵ Declaration of the Rights of Man and of the Citizen of 1789. Art. 5.

⁶ *Delevoye J.-P.* Libre de mourir? Le débat sur l'euthanasie est trop complexe pour répondre de façon binaire // *Le Monde*. 29 avril 2008. P. 16.

⁷ *Beignier B.* Existeil un droit a la mort? // *Le Monde*. 27 mars 2008.

⁸ *Terré F.* (dir.) *Le Suicide*. Paris : PUF, 1994.

другой стороны. Однако выясняется, что такое распределение взаимоотношений, по сути, отсутствует, когда речь идет о праве на смерть⁹.

Своим решением (Diane Pretty, P. 73) Европейский Суд по правам человека полностью поддержал данную точку зрения. Таким образом, представляется неуместным соглашаться с тем, что самоубийство является активным проявлением определенного рода свободы. В лучшем случае такое представление о свободе применимо лишь тогда, когда речь идет об осознанном и сознательном самоубийстве. Однако большинство исследований, рассматривающих тему самоубийства, показывают, что оно является криком о помощи от врачей-психиатров по вопросам самоубийства¹⁰.

Различные действующие нормативные правовые акты ясно демонстрируют позицию французского законодательства. В нем нет места праву на смерть, кроме догматического заявления права умереть с достоинством (хотя данное понятие расплывчато, является переменной величиной, а не фиксированным стандартом). Таким образом, французское законодательство считает, что оно не призвано санкционировать смерть, но при этом предписывает относиться к ней с уважением. Подобная позиция полностью согласуется с теоретической базой одной из его основ — принципом уважения достоинства человека с начала и до конца его жизни. Эта основа — общая для прав человека. Совершенно очевидно, что пересечение и смежный характер ряда понятий, таких как «право на смерть», «право смерти», в действительности различных, может привести к определенной двусмысленности.

В частности, ярые противники идеи заявляют об отсутствии какого бы то ни было континуума между паллиативной помощью, с одной стороны, и эвтаназией — с другой. «Специалисты, ухаживающие за умирающими, осуждают смешение понятий паллиативной помощи и эвтаназии»¹¹. Согласно этой позиции, аргументация в пользу эвтаназии, по сути, противоречит самому принципу паллиативной помощи. Эвтаназия, являясь актом решимости — активным или пассивным, дезавуирует фазу последних страданий, неизменно основываясь на парадигме избегания агонии.

В отличие от этого, паллиативный уход представляется своего рода амортизацией пронзительной муки агонии. Для тех, кто выступает против концепции эвтаназии, разработка законодательства, в котором сосуществовали бы эвтаназия и паллиативная помощь, была бы равнозначна признанию абсолютного равенства между легкостью и усилием. Однако насколько правомерно ставить знак равенства между усилием и агонией? Будет ли объективным распространение на умирающего норм обычной жизни, где усилие, безусловно, является принципом? Среди законов, на которых основывается французское право в отношении паллиативной помощи, следует отметить Закон от 9 июня 1999 г., цель которого гарантировать доступ к паллиативной помощи; в определенной мере — Закон от 2 марта 2002 г. (известный как «закон Кушнера»); Закон Леонетти 2005 г.; Закон

⁹ *Givanovich Th.* Le suicide est-il un des Droits de l'homme? // *Rev. Intern. Dr Pén*, 1952. P. 407 sq.

¹⁰ *Moron P.* Le Suicide. Paris : PUF (coll. «Que sais-je?», n°1569).

¹¹ *Le Monde*. 23 mars 1999.

2009-879 от 21 июля 2009 г. (известный как «Закон о больницах» или «Закон Башло» (loi Bachelot)); принятый одиннадцать лет спустя после Закона Леонетти новый «закон, который устанавливает новые права пациентов и людей, находящихся в конце жизненного пути», заявляемый как идеальное и абсолютно полное решение (но тем не менее ему не суждено избежать критики за неспособность решить проблему пробелов в законодательстве, которые требуют устранения).

Анализируя одну из главных основ данного закона, Эммануэль Хирш, директор Espace Ethique / AHPH, рассматривает глубокую седацию как процесс «разрыва социальных связей», выражение, к которому прибегают, чтобы «ни в коем случае не говорить об эвтаназии».

Он не может понять, как «наша забота о достоинстве может быть реализована с помощью обезболивающих». С его точки зрения, это означает «игнорировать повседневную жизнь пациентов», которые «хотят, чтобы их считали людьми — с их заболеванием». Глубокая и продолжительная седация, согласно тексту Закона Клэйса-Леонетти (Claeys-Leonetti), означает «добавление к нашей социальной уязвимости неутолимых страданий».

Эти аргументы — если и не подкрепленные законом, то вполне очевидные — систематически игнорируются. Несмотря на свою важность и эффективность, паллиативная помощь не может быть средством от всего и не способна свести на нет всю остроту необузданной и непрекращающейся боли. Именно здесь компетентность юриста перестает действовать, уступая место компетенции врача. Последний, конечно, не является юристом, но его подход к вопросу с учетом аспектов «разума и тела» наделяет его динамической ясностью понимания того факта, что ни один закон в мире не может регулировать «совесть».

Закон (право) — ничто без справедливости (правосудия), но не было ли законов, которые противоречили человеческой логике, выходя за ее пределы (закон, регулирующий рабство, закон, запрещающий гомосексуальные отношения, законы, касающиеся еврейского вопроса, закон в отношении туземного населения во Французском Алжире)?

Бинарное прочтение закона — это абсолютный фанатизм, не менее разрушительный, чем любой иной. При этом утверждение приоритета паллиативной помощи перед эвтаназией неизбежно приведет к несправедливости или, как минимум, к ощущению несправедливости. Контекст конца каждой жизни уникален. Он никогда не вписывается в стереотипы, он вызывает к актуальности сознания, а не к холодности безличного закона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Beignier B.* The World. — 27 March 2008.
2. The Criminal Code. — Art. 121-5, reinforced by Law No. 92-683 of 22 July 1992 (V).
3. The Criminal Code. — Art. 223-6, as amended by Law No. 2018-703 of 3 August 2018. — Art. 5.
4. The Criminal Code. — Art. 1321-71, as amended by Law No. 2004-204 of 9 March 2004, art. 12 // JORF. — 10 March 2004.

5. Code of Medical Ethics R.4127-9 — Assistance of a person in danger.
6. *Delevoye J.-P.* The World. — 29 April 2008. — P. 16.
7. *Dunet E.* Larousse Euthanasia: meaning and qualification under criminal law. — 1998.
8. *Givanovich Th.* Rev. Intern. — Dr Pén, 1952.
9. Law No. 2002-303 of 4 March 2002 'On the rights of patients and quality of the health care system.'
10. Law No. 2005-370 of 22 April 2005 'On the rights of the patients, including end-of-life rights' (1).
11. Law No. 2009-879 of 21 July 2009 'On hospital reform, including issues of patients, health care and territories.'
12. Law No. 2016-87 of 2 February 2016 'On the rights of the end-of-life rights of the patients' (1).
13. *Menager F.* Le refus de soins. Petites Affiches. — 14 décembre 2007. — P. 9—20.
14. The Public Health Code. — Art. 121-4, came into force by Law No. 2002-303 of 4 March 2002. — Art. 3 // JORF. — 5 March 2002.
15. The Public Health Code. — Art. L.1111-2, as amended by Law No. 2016-41 of 26 January 2016, art. 175 and Law No. 2016-41 of 26 January 2016. — Art. 7.
16. The Public Health Code. — Art. L.1110-2, came into force by Law No. 2002-303 of 4 March 2002. — Art. 3 // JORF. — 5 March 2002.
17. The Public Health Code. — Art. R.4127-38 — Terminal care — Assistance.
18. *Prothais A.* 'End-of-life assistance and criminal law' // JCP. — 2004. — No. 18. — I. — 130.
19. *Terré F.* Suicide. — Paris : PUF, 1994.